

«...НАЗОВИТЕ ДЕВОЧКУ МАЛЬВИНОЙ»

(Из беседы с Мариной Мулявиной)

Одна из ветвей рода Мулявиных вновь зазеленела, получила продолжение. Теперь уже самый младший отпрыск в нем, Мишутка, увидел свет в качестве правнука своего знаменитого предка. Он, этот маленький гражданин Беларуси, впервые посмотрел на мир в тот год, когда его великому прадеду исполнилось бы при жизни только семьдесят четыре...

Когда-то, так же первой, у Владимира Георгиевича родилась дочь Марина. Улыбчивая, доброжелательная, приветливая, всегда охотно идущая на контакт с собеседником, если разговор заходит о ее легендарном отце, Марина Владимировна сегодня является негласным архивистом творческого наследия «Песняров». Но беседа у нас была посвящена самому сокровенному...

С дочкой Мариной. 1966 г.

На концерте в г. Калининграде. В центре – Лидия Кармальская и Владимир Мулявин. 1958 г.

Мужика, доброго, доброго.
С тобой мажорским и
совсем замучал.
Висел все время на
Миньки, без ты писала
бы Дудзи там по 27

и беруи носрезне
седьмие сто выднает со севал
бы Дудзи 27.9. в Термостанкав
Я предлавно сто ты, переса
мне селас выигнито, хере
когда придуца Дудзи и в том
бы мезд много на Дудзи. Дудзи
Мудзи еще парю миде
вадце не распеаити. ко тебе
Оста мло в адчим, год
погоди хорошо. и миде
Кзавчера т.е 27.9. Дудзи
судне в ДД. Я розговори-и
неиз-

...но, музикация
ви Дудзиан а баммиди
Етарне, так сто Дудзиан
дид мло-о видю в
сто, как и востерси.

В. основан залю, зка в
отраженилои ренитра-
ра, у миде и мидеилов
не кело, пока не Дудзи
квардирн.

У миде сто несколько
вармидов сто ты мидеи
из того пасомени ты
мидеице и мидеице
пасомени миде.

Дудзиан сто с мидеице
в Ансаиде я севал миде
мидеице мидеице, миде
мидеице мидеице и
мидеице мидеице, миде
не мидеице мидеице, миде
диде мидеице мидеице
мидеице мидеице мидеице
мидеице мидеице мидеице

1965 г.

— Конечно же, я осталась, считай, единственным свидетелем того, свердловского, периода моей жизни с папой и мамой. Что-то, безусловно, мне рассказывали родственники, что-то отложилось в моей, уже сознательной, подростковой, памяти. Но самое главное — рассказы родителей.

Я горжусь тем, что меня воспитывала бабушка, у которой мы все и жили после моего рождения. Почему у бабушки? Да потому, что квартиру мы снять не могли по многим причинам: папа с мамой работали артистами Алтайской филармонии, им приходилось постоянно бывать в разъездах, ну а зарплаты, чтобы арендовать жилье, нанять няню для меня, понятное дело, не хватало. А ближе всего от места работы родителей был Свердловск.

Бабушка меня просто обожала. А я обожала всех, кто принадлежал к отцовской семье — если можно так сказать, к мулявинскому клану. Жили мы очень скромно, в большой комнате на общей кухне. Она была разделена на две зоны простым шкафом. В меньшей «половине», за этим шкафом, спали папа, мама и я, а во второй, большей,— бабушка, Валерий и Наташа (папины старший брат и младшая сестра). Вот так мы и ютились... Отец вспоминал, что бабушка Акулина Сергеевна (в быту ее звали Ниной) часто пекла. На столе всегда были расстегаи, пироги, булочки, а еще — в невероятных количествах чай с вареньем, какими-то джемами, повидлом. Потом, когда бабушка Акулина умерла, меня отправили на дальнейшее воспитание к маминим родителям — дедушке Алексею и бабушке Екатерине Кармальским...

Что было потом? В начале 1960-х годов Алтайская краевая филармония послала на гастроли в Минск своих артистов. Приехав сюда, мама тогда от восторга чуть не закричала: «Володя, мы здесь останемся!» А папа, рассказывая мне, смеялся: «Представляешь, зашли в магазин, смотрим — лежат на прилавках колбаса одного сорта, второго, мясо... Ну, думаем,—

Актюбинск. Май 1958 г.

проверка, что все выложили на витрины. Купили все, что только можно. Зашли в другой – то же самое! Спокойно лежит дефицит, которого в Свердловске и не сыщешь. Когда заглянули в третий, то решили, что во всех магазинах сразу проверок быть не может...»

После гастролей вернулись родители домой. Но так случилось, что в это время был объявлен конкурс на вакантные места артистов в филармониях разных городов Советского Союза. Не знаю, где мама нашла объявление о том, что Белгосфилармонии требуются вокалисты, но они с папой тогда уже целенаправленно поехали на кастинг именно в Минск. Она прошла, а папу поначалу – вот ведь парадокс! – не взяли, объяснив тем, что таких гитаристов, как он, оказывается, в минской филармонии много. Мама же, артистка Лидия Кармальская, была востребована, так как владела уникальным музыкальным жанром – художественным свистом.

Словом, родители сняли комнату недалеко от филармонии, в доме по тогдашнему Ленинскому проспекту. Через большую арку от него находилась редакция газеты «Вечерний Минск». А через пару лет нам выделили комнату в коммуналке, на том же проспекте, в доме № 13 над кинотеатром «Центральный». Вскоре папу — а он уже был солистом-гитаристом в штате госфилармонии — забрали на армейскую службу в Белорусский военный округ. Служил он в Уручье. Я храню письма, посланные отцом оттуда. Этим написанным торопливым почерком листкам, адресованным маме, уже пять десятков лет. Но и сейчас, прикасаясь к ним, чувствую папино дыхание нежности и беспокойства за нас. Понимаю, как ему, музыканту, привыкшему к сугубо творческой атмосфере, было непросто.

В то время (1964–1966 гг.) мама оставалась основным кормильцем семьи благодаря своему оригинальному жанру. В письмах она сообщала отцу в армию: «...купила банку шпротов... сыра, молока; я отложила,.. связала пальто...» Это к тому, как покупалась первая мулявинская гитара. Сплошная экономия, чтобы купить инструмент. Тогда-то и был приобретен первый «Gibson»...

Но вот наступил черед «Лявонаў». Приехал из Свердловска Валерий, и папа вскоре устроил брата в ансамбль. Знаю очень хорошо контекст того разговора, который предварял этот папин шаг по отношению к Валере, так как мама его вспоминала до конца своих дней, а отец всегда смеялся. Разговор же носил такой характер. Папа: «Ребята, ну нет трубача, нужен трубач...» Дядя Валера облизнул

губы: «Ну, если надо, так я сыграю...» Он изучил инструмент настолько быстро, что стал в ансамбле трубачом, несмотря на то, что играл в свердловских клубах на гитаре. Собственно, он не имел музыкального образования, был самоучкой. Ведь дедушка Георгий дал сыновьям именно первые навыки игры на гитаре, без которой его люди и не могли представить... Вообще-то мой отец всю жизнь любил Уральский народный хор. Когда он его слышал по телевизору — что молодости, что потом, то останавливал нас: «Тише, тише...» Слушал, а у него слезы наворачивались на глаза.

Никогда не забуду наш первый с отцом отпуск tet-a-tet в Свердловске и Магнитогорске. Показывал он мне во время этой поездки место, где Чапай переплывал бурный Урал. Кстати, отец рассказывал, как сам его пытался переплыть. В те времена говорили, что он плывал, как рыба, но мне кажется, что потом он уже никогда не был таким вот «ихтиандром». Во всяком случае, когда бывала у них на даче в Лапоровичах, что на Минском море, мне ни разу не приходилось видеть его в «большом заплыве».

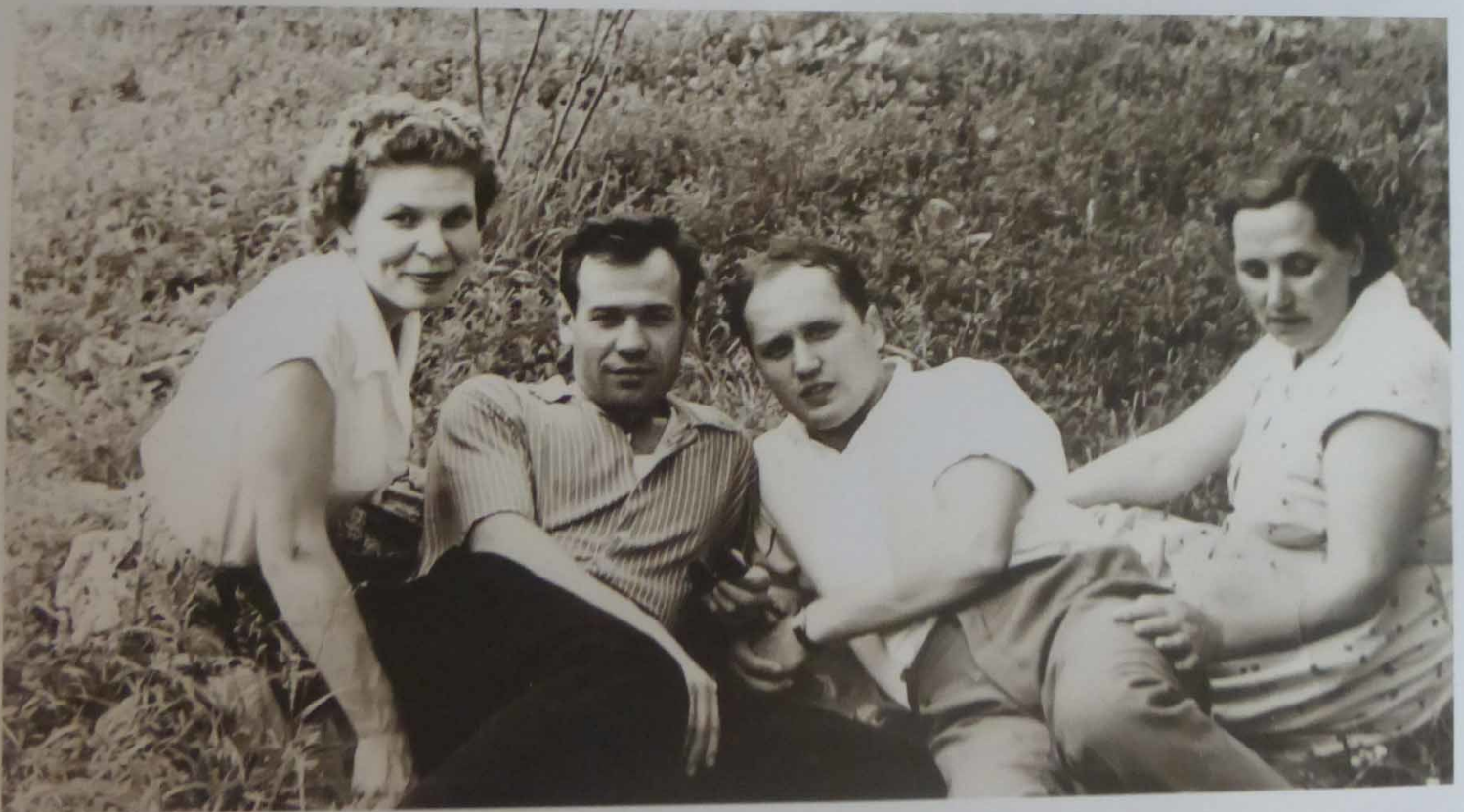

Калининград. 1960 г.

В той поездке на малую родину отца я, подросток, узнала много интересного о своих уральских родственниках. И, прежде всего, о Филиппе, родном брате бабушки Акулины. Он и есть тот человек, на руках которого вырос папа. Владимиру Георгиевичу Мулявину дядя с малолетства заменил отца. Папа долгие годы воспитывался в этой прекрасной семье, в доме донской казачки бабы Мани и ее мужа, деда Филиппа. Баба Маня рассказывала, что у нее, единственной дочери у родителей, было еще двенадцать братьев, которые в революционные годы сражались по разные стороны баррикад. И никто из них не вернулся домой: все сгорели в огне гражданской войны. Был у папы еще один родной дядя — Яков Мулявин, потомки которого живут сегодня в Беларуси, в городе Лида. К счастью, они и составили древо рода Мулявиных.

В этом роду были заложены свои семейные традиции. Сына-первенца Мулявины всегда называли Филиппом. Вот и мой дядя Валерий эту традицию не нарушил. Я очень любила его, а сама для него была не только любимой племянкой, но и просто хорошей подружкой. А папа обязательно прислушивался к его советам. Мудрый Валерий всегда был старшим в семье, а отец — старшим в работе. Если бы Валерий был жив, многого бы не случилось... И вторая папина трагедия: не стало Валеры Яшкина. Эти два Валеры были для папы как два мощных крыла... Он больше ни с кем так по-настоящему не дружил — я знала об этом с его слов...

Почему я так люблю именно пионы, георгины? Да потому что была свидетельницей самого раннего периода восхождения «Орбиты-67», а вскоре «Лявонаў» — «Песняров» к их невероятной, просто-таки безумной популярности в будущем. А летние каникулы для меня какими были? Как правило, «гастрольными». Помню поездки с родителями по селам. Концертные бригады, автобусы, полевые станы... В поле даже на кузовах машин работали. А в колхозе же — не по одной деревне, значит, в день несколько концертов давали. Скажем,

С мамой Акулиной Сергеевной Палычевой (справа), двоюродным братом Леонидом и его женой Тамарой. Свердловск. 1961 г.

Лидия Кармальская, сестра Наталья, Акулина Сергеевна и Тамара Палычева. Свердловск. 1962 г.

в поле в перерыве на обед концерт слушали 10–15 трактористов-комбайнеров. Конечно, всегда аплодисменты, а если собирался народ на площади — то несмолкающие овации. И все цветы, которые могли дарить сельчане, преподносились огромными охапками: жасмин, пионы, васильки, георгины... А вечером, после последнего концерта, на деревенских улицах были накрыты столы. Словом, уже тогда «Лявонаў» принимали шикарно! Особенно откликнулся зритель на «Касіў Ясь канюшыну». Песня уже была в репертуаре. Я вот все думаю: где отец ее услышал, а потом уже сделал свою рок-обработку? Склоняюсь к тому, что от соседей по коммунальной квартире над кинотеатром «Центральный»: там жила поющая семья, и там, возможно, папа эту песню приметил. Но факт, что ребята исполняли ее, будучи «Лявонамі».

Наши отношения с отцом были особенные. Если с мамой я могла покапризничать, то на отца смотрела с замиранием сердца. Видишь его — и тебя как будто что-то обвалакивает. Я всегда смотрела ему в рот, и до сих пор воспринимаю его не как великого Песняра, а как любимого папу. Он для меня не Мулявин-музыкант, а Мулявин-отец. Он умел выслушать, никогда не раздавал советов типа: «Набей собственные «шишки» — все будет хорошо».

Папа единственный звал меня только Мариной, хоть все называют Машей. Что с этим именем связано? Когда я родилась, папа был на гастролях и прислал телеграмму: «Назовите девочку Мальвиной...» Кстати, года три-четыре назад, когда поднимали родословную Кардевичку Мальвиной...» Кстати, года три-четыре назад, когда поднимали родословную Кардевичку Мальвиной...» Кстати, года три-четыре назад, когда поднимали родословную Кардевичку Мальвиной...» Ну а тогда, мальских, я узнала о том, что моя прабабка по материнской линии — Мальвина.

в Свердловске, бабушка Акулина схватила мамин паспорт и побежала меня регистрировать. Возвращается через минуту. Мама в недоумении. А она: «Лида, ну ты представь себе картинку: я выйду во двор за ребенком, а там моя соседка кричит своим: «Танька, домой!.. Генка, домой!..» Ну а я что: «Мальва, домой!..»? Это что за собачка такая?» Мама отбила телеграмму папе: «Володя, такое имя не пойдет...» Назавтра пришел ответ: «Назовите Мариной».

Так что имя мне дал папа. Жизнь дал, имя и... второй раз жизнь. Было так. В квартире над «Центральным» открываешь входную дверь, а напротив — наша двустворчатая. И вот заходят Измаил Капланов, Нелли Богуславская и отец с мамой. Видят, как я одной ногой зацепилась за подоконник, а вторая вместе с туловищем уже свисает с шестого этажа: интересно ведь, на улице птичка чирикала. Нелли Захаровна мне рассказывала: «Я никогда не видела такого прыжка гепарда! У Володи это был ровно один прыжок — через коридор и всю комнату. Он просто тебя схватил, когда вторая твоя нога уже отцеплялась от подоконника...» Тот случай папа никогда в жизни не комментировал...

... Помню родителей — вечно бегущих, обнимающихся — веселых. Это я видела, и это так подстегивает меня в моих семейных отношениях и сейчас. Спасибо им за ту любовь, которую они в меня вложили. Ну а мама... Ведь папа был ее детищем и ее ребенком. И последние слова мамы перед ее уходом были об отце: «Маша, позаботься о нем...»

2015

Внук Владимира Мулявина — Иван и правнук Михаил. 2015 г.